

Отзыв официального оппонента
на диссертацию Владислава Витальевича Бояринова
«Смоленская епархия в духовной жизни Руси в 1136-1514 годах»,
представленную на соискание ученой степени кандидата исторических
наук по специальности 5.6.1. Отечественная история

Место Смоленска в прошлом России столь значительно, а его судьба так переплетена с жизнью остальных территорий страны, что история, как самого города, так и Смоленской земли никак не могут быть сведены к области исключительно региональных исследований. Данное понимание касается не только гражданских, но и церковных аспектов истории. Достаточно заметить, что «Смоленская» икона Божией Матери – один из самых почитаемых образов в России, а роль значительной части местных иерархов в жизни России и её Церкви представляется безусловно значимой и интересной.

Предложенная вниманию диссертационного совета работа Владислава Витальевича Бояринова, посвящённая истории Смоленской епархии XII – начала XVI вв., заслуживает и внимания, и обсуждения, и поддержки. Без преувеличения можно констатировать, что это первый большой комплексный труд, охватывающий события и процессы, связанные с древней Смоленской кафедрой в эпоху средневековья. Замечательная обширная статья, посвящённая истории Смоленской епархии в Православной Энциклопедии – всё же не исчерпывает глубину проблем, связанных с прошлым этого края, кафедры и данной епархии, что вполне объясняется законами жанра энциклопедической статьи. Иных же подобных работ до появления рассматриваемой диссертации – нет.

Действительно, при том, что в последние десятилетия сделано крайне много в деле изучения русской церковной истории, прошлое большинства древнейших кафедр Руси остаётся если и не неизученным, то, несомненно, плохо систематизированным. В значительной мере эта проблема решена в отношении Новгородской и Псковской кафедр. Здесь необходимо отдать

должное Б. Д. Грекову, В. Л. Янину, А. Е. Мусину, Р. А. Симонову, В. В. Милькову и многим другим, трудами которых воссоздана грандиозная панорама древнейшего периода церковной жизни Великого Новгорода и Пскова. Однако прошлое даже таких кафедр и их церковных институций, как Киевская, Переяславская, Туровская или же Ростовская так и не нашло своего воплощения в подобных комплексных исследованиях, позволивших бы систематизировать накопленный научный материал в виде сводных исследований.

Причин отмеченной ситуации множество. Но все они сводятся к состоянию источников. Древнерусские тексты специфичны. Прежде всего, если это касается письменных источников, их немного. Они написаны на языке, который очень далёк от современного. Древнерусский книжник менее всего интересовался фактами. Его волновали смыслы и образы. Не менее сложны для понимания и древнерусские архитектура и живопись. Поэтому число исследователей, занимающихся XI-XIV вв. невелико. Ещё одна не менее значимая причина – это недооценка в российском обществе древнейшего периода российской истории. Этот упрощённый взгляд представлен как в школьных, так и в вузовских образовательных программах. Между тем история раннего русского средневековья по своему драматизму и по колориту участников тех далёких событий едва ли в чём уступит истории западноевропейских государств. Поэтому можно только порадоваться тому, что проблема воссоздания целостной картины церковной жизни Смоленска и его земли применительно к местной епископской кафедре в первые пять столетий русской государственности разрешена.

Автору действительно удалось многое. Должен отметить ясность сформулированных темы, целей и задач, логичность предложенной структуры исследования, стройность и обоснованность его мысли и выводов, хороший язык изложения. Не взирая на ограниченность формальных рамок диссертационного исследования, автор сумел охватить широкий пласт источников и значительный корпус исследований. Диссертационное исследование обладает и научной новизной, и не менее важной научной традиционностью.

И всё же жанр отзыва о диссертации обязывает к критике исследования. Поэтому приступая к этой части работы, я бы выделил две группы замечаний. Первая группа – это незначительные «мелочи», придающие работе некоторую эмоциональность и даже занимательность. Вторая группа – это небольшая дискуссия, предлагающая посмотреть на некоторые аспекты диссертации более пристально и глубже. При этом своё основное внимание я сосредоточу на той части диссертации, которая посвящена древнейшему периоду истории Смоленской епископии.

Первая группа замечаний, как было отмечено, касается некоторых высказываний и реплик, вызывающих либо вопросы, либо улыбку. Например, это реплика автора о цивилизационном выборе князя Владимира: «Смоленская земля в силу своего географического положения должна была стать одной из первых, кто принял свет Христовой веры после цивилизационного выбора князя Владимира Святославича». Действительно подобные тезисы можно встретить в современных политологических и идеологических конструкциях. Однако насколько они верны в научно-историческом контексте? Князь Владимир стремился к браку. Именно это было заветной целью правителя Руси. Иное дело в том, каковы были последствия этих намерений, вынудивших князя принять крещение. Применение же отмеченной конструкции создаёт впечатление, что князь априори исходил из намерений направить Русь по новому цивилизационному пути, в которых Смоленской земле отводилась особая роль, что конечно же представляется безусловным преувеличением.

Чуть большей аккуратности требует использование церковных терминов. Например: «Среди смоленских епископов были люди, удостоенные высокого святительского звания после смерти». Во-первых, епископы, несомненно, – тоже люди. И всё же уместней было бы говорить не о «людях», а о «личностях», поскольку в условиях Руси «люди» – это особая часть населения. Во-вторых, «святитель», подобно «архиерею», «архипастырю», «владыке» – это один из синонимов «епископа». Поэтому здесь вернее было бы подчеркнуть

то, что некоторые епископы были прославлены в лике святых или в чине святителей, что, собственно, автор и имел в виду.

Весьма забавно читается одна из характеристик деятельности смоленских архипастырей. Автор вполне резонно и не без юмора замечает, что «в отличие, от **новгородских коллег** (выделено – П.Г.), об их деятельности мы знаем крайне мало».

Однако более интересными представляется вторая группа суждений и наблюдений автора, располагающих к размышлению.

Приступая к дискуссионным аспектам диссертации, я бы хотел сразу отметить, что это не замечания, а приглашение к дискуссии, предложение продолжить автору работу в избранном направлении. Отмечу несколько аспектов, которые мне видятся перспективными для их дальнейшего развития.

Так, воссоздавая историю Смоленской епархии, автор проделал большой труд. Особенно хорошо это видно применительно к домонгольскому периоду, на котором я и сосредоточу своё внимание.

Действительно, число письменных источников, сообщающих о жизни смоленской епископии невелико. И всё же оно значительно больше, чем число источников о деятельности многих иных епископских кафедр, например, Переяславской, Белгородской, Туровской, Владимирской на Волыни и др. Эти источники распределены неравномерно, их сообщения отчасти спорадичны, а актовый материал почти всецело связан с обстоятельствами открытия кафедры. Большим достоинством проделанной работы видится её структурность, располагающая читателя к последовательному освоению предлагающегося материала в условиях ограничений, налагаемых на кандидатское диссертационное исследование. Поэтому весьма удачным видится решение автора совместить хронологический подход с сюжетными линиями. Это решение не только позволило преодолеть имеющиеся лакуны в известиях источников, но и придать повествованию смысловую целостность.

Вместе с тем, перспективной видится не только работа с источниками, но и с исследованиями в рамках освещаемых в диссертации тем и сюжетов.

Безусловно, работа с источником является основой любого научного исторического исследования. Но и работа с историографией не менее важна. Во-первых, это избавляет от напрасного труда «изобрести колесо» в тех случаях, когда те или иные идеи уже излагались. А, во-вторых, это замечательная школа понимания источников и их сообщений. Полагаю, что в ряде случаев для лучшего развития темы крайне важно рассмотреть историографические подходы. Например, такой основательный историографический экскурс был бы очень уместен к сюжету, посвящённому Авраамию Смоленскому. Неправый суд над ним стал настолько значимым событием, что вошел в историю Руси. Поэтому сведение рассказа к проблеме иноческого смирения упрощает ситуацию, выводя из поля зрения иные работы, не вписывающиеся в концепцию автора, например, это классические работы профессора Рикардо Пиккио.

Очевидно, что при характеристике церковного строительства в Смоленской земле было бы неплохо более детально проанализировать археологические данные, касающиеся строительства церквей и монастырей. Во всяком случае имеющиеся результаты археологических исследований нуждаются в основательном комментарии.

Не менее интересна попытка автора проанализировать границы Смоленской епархии. Соглашаясь с выводами Владислава Витальевича, всё же приходится обратить внимание, во-первых, на необходимость более основательной аргументации для отождествления понятий «епархии» и «епископии» и, во-вторых, на важность более детального обоснования возможности существования в XII – начале XIII вв. Смоленской епархии как церковно-административного округа. Несомненно, смоленские иерархи домонгольской Руси могут быть отнесены к числу немногих иерархов этого времени, совершавших архипастырские поездки в пределах своего округа. Подобные поездки отмечены только в отношении правящих архиереев Киева и Новгорода. В пользу таких поездок в Смоленской земле говорит присутствие выплачиваемого иерарху «почестья». Данная практика была автором хорошо проанализирована. Однако ничто не указывает на то, чтобы смоленских архиереев при их

приезде в эти храмы встречали, совершали соборные службы и т.д. Летописание об этом умалчивает. Впрочем, описанное вовсе не означает, что епископ не посещал соответствующие города. И здесь возникает следующий вопрос: кто инициировал эти поездки и оплачивал святительские объезды. Принимая во внимание ктиторский характер большинства храмов Руси данного периода и отсутствие каких-либо упоминаний о штатном духовенстве этих церквей и церковных старост, нельзя исключать того, что эти поездки могли быть инициированы самим князем. Им же за совершавшееся служение, вероятно, и выплачивалось епископам «почестье». В какой-то мере это могло напоминать выплаты, оговорённые в Уставе купеческого храма Ивана на Опоках. А следовательно вопрос о существовании развитой сети церковной администрации над Смоленской землёй говорить проблематично. Во всяком случае, следы этой «администрации» не прослеживаются.

Ценными видятся наблюдения автора и о церковном суде, в том числе суде смешанном. И всё же здесь ситуация не так проста. Знакомство с источниками позволяет говорить о том, что церковный суд был двух видов. Суд церкви как феодала и суд духовный. На уровне митрополичьего суда в истории наказания новгородского епископа Луки Жидяты, расправы с Ростовским епископом Феодором (Феодорцом) и в случае недоумения новгородцев о владыках Антонии и Митрофане, ставших заложниками изменчивых настроений горожан и небрежения канонами со стороны киевской первосвятительской кафедры, это различие хорошо прослеживается. Отчасти такое различие просматривается и в истории Новгорода. Судебное следствие и допрос, проведённые епископом Никитой над Антонием Римлянином, указывают на то, что совершённое им может характеризоваться именно как духовный суд. То есть во всех перечисленных случаях – историкам приходится иметь дело с духовным судом.

Вместе с тем положения княжеских уставов и Правды Русской в большей мере делегируют церкви права феодального характера, распространяя судебные права епископов на духовенство, причетников и значительную часть

христиан, как на «церковных людей». Очевидно, что отчасти князья смешивали эти две юрисдикции в одном документе, что создавало и создаёт определённую путаницу. К тому же описанная в Житии Авраамия процедура суда указывает на то, что святительский суд над преподобным имел некоторые черты инквизиционного трибунала. Таким образом, мы имеем дело с разными судами и должны, как мне это видится, оцениваться по-разному. Правда, оба этих суда совершал архиерей и, судя по всему, при опоре на одних и тех же лиц. Не менее примечательно, ещё одно обстоятельство. Описание суда над Авраамием Смоленским наглядно демонстрирует, что святительский суд в том числе по духовным вопросам мог совершаться с участием князя, который мог не утвердить его решение. А по своей форме в условиях Руси епископский суд хоть и опирался на каноны, однако копировал формы княжеского суда. Житийное повествование о суде над преп. Авраамием было по достоинству оценено Рикардо Пиккио. Во всяком случае, это единственный источник (если не считать житийные сообщения об упомянутом суде над преп. Антонием Римлянином), описывающий порядок, место проведения, участников, их поведение и процедуры епископского суда. В отмеченном контексте весьма сомнительным видится мнение автора о том, что судивший Авраамия епископ Игнатий стал заложником интриг местного духовенства. Дальнейшее раскаяние Игнатия, крайне жестоко обошедшегося с Авраамием, могло стать не только результатом личной перемены в душе архиерея, но и апелляции этого дела у митрополита, что, собственно, и могло вынудить епископа не только торжественно восстановить незаслуженно наказанного инока, но и принести тому сатисфакцию в форме занятия выгодной и почётной должности игумена епископского монастыря. Поэтому полагаю, что наблюдения Владислава Витальевича о совместных судах князя и епископа в Смоленске видятся крайне интересными и перспективными для их дальнейшего изучения.

Не менее интересны суждения автора, касающиеся смоленской книжности. В своей работе диссертант поднимает проблему существования местного летописания. Всё это видится весьма интересным. Более того, как мне

представляется, в перспективе данный сюжет заслуживает значительно большего внимания, поскольку позволяет пролить свет на амбиции, личности и деятельность епископов, их канцелярии и скриптория, непродолжительную работу которого вполне разумно допустить. По крайней мере подобный скрипторий отмечен в Новгороде, с которым был связан и Смоленск. Несомненно, здесь неминуемо придётся вступить в область гипотез и догадок. И всё же чем было вызвано появление смоленского летописания, следы которого улавливаются в источниках эпохи?

Интересной видится глава, посвящённая содержанию кафедры. Однако помимо доходной части «бюджета» епископии не менее интересными могли бы представляться и расходные статьи кафедры. Например, из каких средств и для чего возводился Богородицкий монастырь епископом Игнатием? Не было ли это связано в том числе с аккумуляцией поступавшей в обитель средств кафедрой или правящим епископом? К тому же нельзя забывать о таких важных источниках содержания храмов, монастырей и духовенства, как приношения и жертвы. Житие Авраамия Смоленского по меньшей мере дважды подчеркивает то, что Авраамий благоукрашал обители исключительно благодаря жертвователям. Именно эти приношения, скорее всего, и стали причиной зависти сослужителей преп. Авраамия. Наконец, важным источником содержания монашествующих и духовенства являлись пиры, о которых также весьма красноречиво рассказывает Житие.

Впрочем, всё отмеченное выше ничуть не умаляет несомненных достоинств диссертационного исследования Владислава Витальевича Бояринова. Обсуждаемый труд – качественное исследование. Принимая же во внимание его содержание, искренне полагаю, что при определённой доработке оно заслуживает того, чтобы быть опубликованным в виде монографии.

Всё вышесказанное позволяет заключить, что автореферат полностью соответствует диссертационному исследованию. Диссертация В. В. Бояринова отвечает требованиям, установленным Московским государственным университетом имени М.В. Ломоносова к работам подобного рода.

Содержание диссертации соответствует паспорту специальности 5.6.1 Отечественная история (по историческим наукам), а также критериям, определенным пп. 2.1–2.5 Положения о присуждении ученых степеней в Московском государственном университете имени М.В. Ломоносова, она оформлена согласно приложениям № 5, 6 Положения о совете по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова.

Таким образом, Бояринов Владислав Витальевич заслуживает присуждения ученой степени кандидата исторических наук по специальности 5.6.1. Отечественная история.

Официальный оппонент:

доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры исторических наук и архивоведения института гуманитарных и прикладных наук ФГБОУ ВО «Московский государственный лингвистический университет»

Гайденко Павел Иванович

«12» февраля 2025 г.

Контактные данные:

тел.: +7-499-245-30-02; e-mail: info@linguanet.ru

Специальность, по которой официальным оппонентом защищена диссертация:
07.00.02 – Отечественная история

Адрес места работы: 119034, г. Москва, ул. Остоженка, д. 38, стр. 1

Тел.: +7-499-245-30-02, e-mail: info@linguanet.ru

